

18+

ЛЮБОВЬ ГРУЗИНОВА

СЕМЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ РАЯ

Любовь Грузинова

Семь дней из жизни Рая

«Издательские решения»

Грузинова Л.

Семь дней из жизни Рая / Л. Грузинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624698-0

Пьеса «Семь дней из жизни Рая» это трагикомедия, действие которой происходит в Раю, в наши дни. Люди, которых Бог (Отец) создал заново, живут с ним рядом обычной жизнью. Дополнительным провокатором возникающих проблем становится сосед Люцер, персонаж в стиле времен Гэтсби, франт, в костюме тройке и шляпе, который оказывает знаки внимания Еве и провоцирует Адама. Конфликт Отца и Люцера, имеющий философский подтекст в самом начале, постепенно приобретает характер соперничества.

ISBN 978-5-00-624698-0

© Грузинова Л.
© Издательские решения

Содержание

Сцена первая	6
Сцена вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Семь дней из жизни Рая

Любовь Грузинова

© Любовь Грузинова, 2024

ISBN 978-5-0062-4698-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Бог, он же Отец – без комментариев;
- Адам – ничем не примечательный лысеющий субъект. Слегка неряшливый экземпляр мужского рода;
 - Ева. Жена Адама, мать Авеля и Каина. Кокетлива, как любая красивая женщина;
 - Каин —1-й сын Евы. Вечно всем недовольный тип. Грубиян и задира;
 - Авель – 2-й сын Евы. Мечтатель и любимец семьи. Стремится стать художником;
 - Люцер – ехидное существо с умом философа и талантом актера. Весьма неравнодушен к Еве и абсолютно равнодушен ко всем остальным. Любимое занятие – спорить с Отцом по любому поводу;
- Первый и Второй херувимы;
- ангелы.

Рай. Наши дни. Бог вновь создал Адама и Еву. Теперь, они живут обычной человеческой жизнью со всеми ее заботами и мелкими проблемами.

Тем временем на Земле жизнь течет своим чередом. Человечество не подозревает, что часы жизни на их планете отсчитывают последние минуты, и в Раю им на смену подготовлены новые прародители будущего.

Сцена первая

Большое практически пустое пространство. Наверху, лампой, зависло тусклое солнце. Под ногами – расплывчатое изображение Земли, какое бывает при взгляде из космоса. Приглушенный свет создает ощущение спокойствия и умиротворения. Слева видна дверь в другое помещение.

В кресле-качалке с высокой спинкой сидит Отец. Он выглядит уставшим. Медленно покачиваясь, он что-то тихо напевает себе под нос вроде романса «Отцвели уже давно хризантемы в саду...».

На его коленях развернута толстая книга. Отец водит по ее страницам пером, что-то аккуратно в нее вписывая. Время от времени он закрывает глаза и задумывается. Затем все повторяется.

Со стороны закрытой двери доносится нарастающий шум. Чем-то гремят, потом перебранка. Слышатся женский и мужской голоса. Разговор ведется на повышенных тонах.

Женский голос (визгливо). Не надо мне указывать, что делать! Сначала на себя посмотри, на кого ты стал похож!

Слышится звук разбиваемой посуды.

Мужской голос. Зря орешь! Выбора у тебя все равно нет!

Женский голос. Естественно, если ты у нас первый и последний мужчина в Раю! Пришлось взять, что давали! Где, скажите на милость, здоровая конкуренция? Ты меня уже до нервного срыва довел своими требованиями!

Мужской голос. Истеричка!

Женский голос. Хам!

Раздается глухой стук и пронзительный женский визг.

Отец (захлопывает книгу). Опять взяли за старое. (Смотрит в сторону, откуда исходят крики и шум). Поразительно, насколько люди редко пользуются своими мозгами. В конце концов их бестолковые черепушки совсем усохнут, а мне останется только жалеть о драгоценном времени, которое я потратил на их создание.

Голоса приближаются. С шумом распаивается дверь, и на сцену, переругиваясь и подталкивая друг дружку, выбегают Адам с Евой. Адам в одних штанах из грубого полотна, похожего на мешковину, подвязанных веревкой, Ева в коротком розовом халатике и тапочках с помпончиками такого же цвета, на босую ногу. Ее длинные волосы уложены в кокетливый высокий пучок на макушке.

Адам (встает в позу). Слушай меня, женщина!

Ева (показывая ему кукиш). Разлетелась вся! На-ка, вот!

Отец пытается привлечь их внимание, но все бесполезно.

Адам. Я, как главный в семье....

Ева. Кто это тебя так обманул?

Адам. Я так решил!

Ева. Ну, тогда понятно, откуда у нас вся эта неразбериха в семье – от твоих мудрых решений!

Адам. У нас все равно других нет. Так что, извините, дамочка, придется привыкать. Поэтому, я, как глава семьи, требую выполнять мои распоряжения! Сколько я буду терпеть в своем доме этого философствующего гада? (Его лицо приобретает плаксивое выражение). Имею я право знать, когда наступит тот счастливый день, когда я узнаю потрясающую новость, что неизвестно, безвозвратно, безвременно... сгинул большой «друг» семьи, и.... (смахивает воображаемую слезу), чего греха таить..... известнейшая сволочь – Люцер! Чтоб ему басом икалось!

Ева. Шут!

Адам. Я запретил, чтобы он появлялся у нас в доме в мое отсутствие! ЗАПРЕТИЛ!

Внезапно Ева начинает обстреливать Адама взглядами, полными страсти. Адам смущается и принимается теревить веревку, которой подвязаны его штаны.

Адам (пытается придать своему лицу грозное выражение). Стоило мне вчера уйти, как он опять тут как тут. Да еще со своими мерзкими подарками! (С ненавистью тычет указательным пальцем на тапочки с розовыми помпончиками).

Ева (капризно топая ногой). И вовсе они не мерзкие! Просто ты не в состоянии подарить мне ничего подобного, поэтому тебя зависть гложет.

Адам. Подобное мог подарить только слабоумный. У меня, пардон, мозги по-другому устроены. Я о проблемах мироздания размышляю, а не торчу с озабоченным видом в гостях у чужих жен и не таскаю с земных помоек никому не нужные вещи.

Ева. Да куда уж нам до такого титана мыслительных процессов, как ты! И конечно, мирозданию очень помогут твои бесцельные мотания по дому и обещания исправить все, что ты до этого поломал!

Адам. По-твоему, только я все ломаю?

Ева. Ты только что разбил дюжину тарелок.

Адам. Это ты во всем виновата!

Ева (усмехаясь). Ну, кто бы сомневался! Во всем и всегда у тебя виновата только я! Моя жизнь тебя вообще интересует? Хотя, конечно, что может быть скучнее для мужчины, чем жизнь женщины, на которой он женат!

Адам. Да тебя даже в проекции не должно было быть! Если б не Отец...

Ева (надвигаясь на него с кулачками). Даже не мечтай об этом!

Они начинают вновь носиться друг за другом.

Отцу надоедает эта нескончаемая гонка, и он подставляет подножку пробегающему мимо него Адаму. Тот падает и только тогда замечает, что они с Евой не одни в этой комнате.

Отец (глядя на распростершегося у его ног Адама). Ну, здравствуй, сын.

Хотя, если мне не изменяет память, уже виделись сегодня...

Адам. Привет. Надо же, как ты так незаметно подкрался?

Отец. Вообще-то я тут давно сижу...

Адам смотрит на него исподлобья.

Отец. Вот он – взгляд любящего чада! (В сторону). Все понимает с полпинка и слушает вполуха. Да, герой? (Треплет Адаму волосы). Что у вас на этот раз произошло? (Переводит взгляд на Еву, но та делает вид, что вообще здесь ни при чем). С женщинами все ясно без слов. (Адам). Помнится, я просил не беспокоить меня. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что прошу невозможного, но все-таки хотелось бы знать, неужели я не заслужил хоть немного личного времени? (Вновь переводит взгляд на Еву). Ева, девочка моя, правильно ли я понял из вашей высокоинтеллектуальной беседы, что этот скандальный тип вновь тебя обидел?

Ева всхлипывает, подбегает к Отцу и прижимается к его груди. Адам, кряхтя, поднимается, отряхивает штаны и недовольно смотрит на Еву, разыгрывающую из себя обиженного ребенка.

Ева. Он меня не любит. Целыми днями только и делаю, что с детьми возжусь, готовлю, стираю... Я, что, для этого была создана?

Отец (вытирает ей слезы ладонью). Что за глупости, деточка?

Ева (Адаму). Так и знала, что ты врешь! (Спрыгивает с колен Старика, указывая на мужа). Он утверждает, что меня создали из его ребра. Неслыханная чушь! Неужели ты думал, что найдется хоть один дуралей, который поверит в это?!

Адам (пятясь, тихо). Не прокатило... Легенда требует доработки. И почему в жизни все не так, как хочется?

Ева. Что это ты там бормочешь?

Адам. Я сказал – ужас, как есть хочется.

Ева. Перебьешься теперь, сказочник!

Она встает и дефилирует мимо Адама, демонстративно покачивая бедрами.

Ева (мечтательно). И уж если совсем откровенно, такой розе, как я, нужен заботливый садовник, а не огородник, который не знает, что ему делать с подобной красотой...

Адам. Ой, держите меня! Тоже мне, роза жизни! Да на тебе колючек больше, чем лепестков. Когда в последний раз цвела, сама-то помнишь? Розочка...

Ева останавливается около Адама и пытается схватить его за ухо. Но он вовремя отскакивает.

Ева (сквозь зубы). Поговори у меня, кактус лысый...

Отец. Немедленно прекратите этот балаган! (Подзывая к себе Адама и Еву, строго).

Адам, я думал, что мы обо всем договорились. Меня совершенно не устраивает роль вечного учителя, постоянно исправляющего твои ошибки. Пожалуйста, избавь меня от этого кошмара – читать нравоучения по каждому поводу.

Отец нежно гладит по голове, подошедшую к нему, Еву, стараясь утешить.

Адам, насупившись, смотрит на всю эту идиллию.

Адам. Нашла себе защитника. Думаешь, если научилась рожать, значит, все – можно?

Отец. Может, ты попробуешь родить? Я это мигом организую. Посмотрим, как ты тогда заверещишь.

Адам (раздраженно). Вот только не надо пугать. Я по твоей милости изо дня в день вынужден сидеть с одной и той же женщиной и ее детьми, изображая крайнюю заботу. Это ж, какой риск для жизни!

Отец (стучит по подлокотнику кресла). Самый большой риск для твоей жизни – ты сам. И, прежде всего потому, что ты – неряха. Даже там, где живешь, ты не в состоянии за собой как следует убрать. Везде мусор. Все захламыл!

Ева. Он со своими идеями уже всех замучил! То ему летать нужно, как птица, то плавать, как рыба. Теперь он, видишь ли, решил научить Каина драться!

Адам (упрямо). Мужчина должен уметь защитить себя.

Отец. От кого, позвольте спросить?

Адам (в раздумье чешет голову). От других мужчин. Ну, или в крайнем случае от женщин... (тычет пальцем на Еву). Вот, таких как она, к примеру! Агрессорша с помпончиками!

Ева. Фигляр!

Отец (поднимается, держа книгу под мышкой). Эта затея мне категорически не нравится. (Сурово смотрит на Адама). Я запрещаю учить моего внука подобным глупостям. Во-первых, потому что человек – существо мыслящее. А во-вторых, потому что ты сам в этом деле суший профан. А когда один профан начинает учить другого, ничего кроме конфуза не выходит.

Адам (ноющим голосом). Скучно....

Отец (вконец рассердившись, топает ногой). Не зли меня! Что значит скучно? Тебе созданы идеальные условия для жизни. Какого рожна еще надо? Живи себе, да радуйся, что тебя никто раньше времени не отправит в места, о которых не принято здесь говорить.

Адам (продолжая канючить). Может, мне надоели твои идеальные условия? Никакого разнообразия. Из всех соседей – один Люцер, да и тот к Еве втихаря шастает. Пусть этот змей больше не приходит к моей жене. А то получит! Так ему и передай.

Отец. Я не могу запретить Люцеру без веских на то причин приходить в гости. Он наш сосед. Хоть он меня достаточно разочаровал, но приходится соблюдать некоторые законы общежития. Короче, тебе не понять.

Адам (запальчиво). В каком таком законе твоего общежития написано, что можно ухлестывать за Евой в мое отсутствие? Или, по-твоему, ухаживание за чужой женщиной перестало являться веской причиной, чтобы хорошенько наподдать Люцеру под тощий зад?

Отец (досадливо морщась). Какой ты скандальный... Если у самого кишка тонка уладить конфликт, то, обещаю, я с ним погорю. Что-нибудь еще? Давай, не стесняйся. Сегодня такой бурный денек выдался, не вижу причин, почему бы тебе не задать мне еще парочку вопросов, достойных занесения в летопись «Истории человеческого идиотизма»?

Адам стоит, переминаясь с ноги на ногу. Отец нетерпеливо постукивает кончиками пальцев по спинке кресла.

Отец. Долго мне прикажете ждать? Считаешь, если у меня в запасе Вечность, то я непременно должен ее потратить на один из этих извечных человеческих вопросов вроде: «Для чего мы здесь»? Или вот еще, мой любимый: «Кто виноват?»

Адам. Кстати, интересный вопрос.

Отец. Когда его задали в первый раз, это было интересно, сейчас же, по прошествии веков, это пахнет маразмом.

Адам (нервно теребит карманы штанов). Я, собственно, о другом...

Отец (бьет его по руке). Надоело носить – сними, только, , прекрати издевательство над материей. *ради меня*

Адам. Это уже давно не материя, а одно сплошное воспоминание...

Отец. Как и все, к чему ты прикасаешься.

Адам (подходит к Отцу совсем близко и говорит ему на ухо). Послушай... (оглядывается на Еву и понижает голос до шепота) можешь сделать мне... еще одну Еву?

Ева негодуяще вскрикивает. Отец недоуменно оглядывает Адама, словно видит его в первый раз, затем делает ему знак наклониться.

Отец (на ухо Адаму). Зачем?

Адам (пожимая плечами). Эта как-то примелькалась... Тут еще напасть такая случилась – снится начала. Хотел крикнуть, ну, как обычно... Чувствую, не могу. А она мне своей ручонкой рот закрыла и шипит в ухо: «Где мои розовые помпончики?..» Я пообещал оторвать эти самые помпончики, если Люцер снова сунется, так она теперь даже во сне не отстает. Вот я и подумал, если ты создашь новую Еву, то у старой не останется времени на подобные глупости.

Отец медлит с ответом. Адам, наклонившись, продолжает терпеливо стоять в выжидательной позе. Вдруг Отец резко хватает Адама за ворот рубахи:

– Ты что о себе возомнил?!

Адам отскакивает. Ева заливисто хохочет.

Отец. Ты наивно полагаешь, что можно решить свои проблемы подобным образом?! Это все равно, что вылечить укус одной змеи, позволив другой змее укунить себя в то же место! Если тебе скучно с женщиной, значит, ты не умеешь с ней разговаривать! (Показывает на Еву). Она, как книга. Но ты так и не научился ее читать! И вообще, тебе здесь не публичная библиотека, если ты понимаешь, на что я намекаю!

Адам. Может, тогда объяснишь мне, почему я должен постоянно выполнять все её прихоти? Чем она лучше меня? (С презрительным видом кивает на Еву). Вон, у нее и ручки-то слабые, ножки маленькие, вечно она мерзнет, и постоянно ей чего-то надо. Все дай, да дай. Постоянно лезет своими губами мне в лицо.

Ева (подскакивает к нему). Что, значит, лезет губами? Еще скажи, что тебе это не нравится!

Адам (отталкивая ее). Одна польза, что мальчишек родила. Так бы настрепала себе женский выводок, я б тогда отсюда сиганул, как нечего делать!

Отец. Никуда ты не денешься, если я того не пожелаю! Нет, честное слово, я, наверно, бредил, когда создавал вас.

Отец поворачивается к ним спиной и идет к креслу.

Отец (тихим, почти безразличным голосом). Сделайте одолжение, оставьте меня в покое. На сегодня вполне достаточно.

Адам проходит мимо Евы. Та корчит ему смешные рожицы. Адам многозначительно демонстрирует ей крепкий кулак и удаляется, громко хлопая дверью. Ева, довольная, что одержала свою маленькую победу, уходит вслед за ним с гордо поднятой головой, еще старательнее покачивая бедрами.

Темнеет. Солнце сменяется полумесяцем. Загораются звезды.

Отец устало опускается в кресло.

Отец. Наконец-то. Ушли. (Вздыхает). Создал себе человечество заново. Для кого, спрашивается? Никто из них по-прежнему ничего не ценит. Одна Ева еще хоть что-то старается понять по природе своего врожденного любопытства, а Адам, словно вечный младенец – мозг в зародыше, глаза, как две пустышки, и вперед, в игрушки свои играть. Внуки тоже... радуют. Никогда не могу вспомнить, чем именно. (С грустью, обращаясь к поблескивающему в темноте, полумесяцу). Думал – начну все с чистого листа, и они станут иными, не похожими на тех, предыдущих, а в мой дом, наконец, придет долгожданный покой. Надо же было так ошибиться. Они не хотят ими быть, этими «иными». Хотят быть свободными от меня. Думаешь, я этого не чувствую? (Горько усмехается). Ты когда-нибудь видел стадо, свободное от пастуха? Ну, и на что оно, по-твоему, похоже?.. Правильно. Ни на что определенное оно уже не похоже, потому что оно перестало быть даже стадом. (Задумчиво смотрит куда-то вдаль). Почему они не умеют ценить покой? Когда все хорошо, им тут же становится скучно. (Пожимает плечами). Им постоянно чего-то не хватает. Мечутся, словно стая глупых головастика, а толку никакого, в глазах от них рябит. Постоянно всем недовольны... (Вдруг повышает голос). Глупцы! Это потому, что они ничего по-настоящему не теряли! Посмотрели бы они на тех, кто сейчас там, внизу (показывает рукой на изображение Земли), живет в постоянном страхе за собственную жизнь. (Устраивается в кресле, ворчливо). Вот возьму и выгоню их вон. (Вновь закрывает глаза, тихо). Посмотрим, как они повеселятся тогда... (Засыпает).

Сцена вторая

Та же комната. День.

Входит Ева. Смотрит по сторонам. Убедившись, что в комнате, кроме нее, никого нет, она облегченно вздыхает.

Ева. Никого. Вот и хорошо. (С любопытством осматривается). Интересно, почему он запрещает заходить в эту комнату в свое отсутствие? (Подходит к рисунку с изображением анатомии человека). Это что такое? (Разглядывает рисунок). Какая гадость! (Отходит от рисунка на шаг, приглядывается, затем опять подходит). На Адама похож... (Отходит от рисунка и идет вглубь сцены). Где же книга, которую я вчера здесь видела? (Ищет). Нигде нет. Вот досада. У меня, как назло, уйма времени, а занять себя абсолютно нечем....

Приятный мужской голос за сценой. Хозяева дома?

Ева. Люцер! (Кричит в сторону голоса). Я тут! (Тихо, с восторгом). Он бесподобен!

Входит франт. Весь в черном с красной бабочкой и таким же красным платочком в кармашке.

Люцер (сладко улыбаясь). Ева! Ты сегодня очаровательна. Впрочем, как всегда.

Ева. Ты мастер льстить!

Люцер (приближаясь кошачьей походкой). Всякий раз, приходя сюда, я все отчетливее понимаю, что истощу свой запас комплиментов гораздо раньше, чем ты состаришься и морщины покроют твою нежную кожу. (Протягивает руку и с нежностью касается ее лица кончиками пальцев).

Ева. Отец обещал нам вечную молодость.

Люцер (продолжая приближаться). Уже проходили, помним. Дорогая, ничто не вечно. Да и зачем тебе эта скучная Вечность, когда под рукой всегда такое неожиданное Настоящее? И еще более неожиданное Будущее? Вечность – статична. Кому она вообще интересна? Разве только людям. Они не заботятся Настоящим, редко задумываются о Будущем, зато о Вечности готовы рассуждать до вздутия жил на лбу! У меня от их рассуждений уже лицевые судороги начались – устал хохотать. (Встает на одно колено и незаметным движением, достает красную розу). Это тебе.

Ева (берет розу и осторожно ее нюхает). Ты так внимателен...

Люцер. Это часть моей профессии – быть крайне внимательным.... (Встает с колена и тщательно отряхивается). Ну-с, и где наш самый главный?

Ева. Решил показать Адаму, какой, по его мнению, должна быть Земля.

Люцер. Хорошее дело. Но бессмысленное.

Ева. Это почему еще?

Люцер. Что толку показывать мародеру предмет искусства? Что показывай, что не показывай – все равно разобьет.

Ева (с усмешкой). Как ты нас ценишь, с ума сойти!

Люцер. Это ты всегда успеешь сделать. Но не будем о грустном. Сегодня я желаю говорить только о тебе, моя прекрасная Ева. (Усаживает ее в кресло Отца, сам садится на подставку возле ее ног). Рассказывай!

Ева (смущаясь). Даже не знаю – о чем....

Люцер (берет ее руки в свои, проникновенным голосом). Например, о самой заветной своей мечте. У тебя, наверняка, есть мечта?

Ева (кокетливо). Есть.

Люцер. Так поделись ею со мной, своим старым, искренним другом. Я с удовольствием побуду твоими маленькими ушками.

Ева. Удобно ли?

Люцер. Быть твоими ушками?

Ева. Опять язвишь?

Люцер. Привычка. (Шепотом). Не бойся, уши не разговаривают, так что можешь смело доверить мне свой секрет.

Ева (оглядываясь на дверь). Я искала книгу.... Понимаешь, о чем я? Думаю, это особенная книга.

Люцер (внимательно заглядывая Еве в глаза). Что ж, это крайне интересно.

Ева. Ты тоже так считаешь?

Люцер. Если красивая женщина ко всему еще и думает....

Ева (вскакивает с кресла). Ты, как Адам! Вас послушать, так женщина, как курица, должна лишь цыплят высиживать!

Люцер. Ну зачем же так радикально! Я не хотел...

Ева. Никто не хочет... (Всклипывает). И не принимает меня всерьез. (Вытирая нос платком – рукавом). Да что вы вообще о себе возомнили? Я умею давать жизнь, а вы? Что умеете вы в сравнении с этим?!

Люцер (нежно беря ее за руку). Ты права, моя дорогая. В сущности, мы всего лишь неотесанные временем и опытом болваны. Но уверяю тебя, что настанет день, когда мы поймем, как много ты значишь для всех нас – женщина, в муках приносящая в мир жизнь. И обнажатся головы миллиардов, и не останется места на Земле от, склоненных пред тобою, колен!

Люцер опускается на одно колено. Ева в растерянности.

Люцер (смотря прямо ей в глаза). Ты даже себе не представляешь, насколько ты важна. От тебя будет зависеть абсолютно все в этом мире. И не только рождение, но и смерть.

Ева (удивленно вскидывая брови). Смерть? Первый раз слышу....

Люцер. Проболтался. (Быстро встает с колена.) Несравненная.... (Целует по очереди ее руки). Подобные мелочи не должны заполнять твою милую головку. (Кокетливо приглаживая непомаженные волосы). Оставь эту проблему нам, несовершенным существам.

Ева. Ага, вам только что-то доверь! Отлучишься на минуту – все, полный бардак! А вы стоите возле него с самым невинным видом и хлюпаєте носом, дескать, пожалейте нас, несовершенных! Ладно. Принес подарок, как обещал?

Люцер. Еще бы! (Достает тюбик с помадой). Смотри, какая прелесть. Не знаю, откуда у меня такая уверенность, но чувствую, это должно тебе понравиться.

Ева берет из его рук блестящий футляр, открывает и осторожно нюхает, затем пытается откусить кончик помады.

Люцер. Без фанатизма! (Берет у нее футляр). Позволь мне маленькое удовольствие – побыть твоим первым в этом мире визажистом. (Поворачивает Еву лицом к свету). Вот так.... (Наносит помаду на ее губы). Контур должен быть четким и ровным, как линия тетины, готовой в любую секунду послать стрелу прямо в сердце противника! Это знак тайной страсти или страстной тайны, как будет угодно. И, наконец, это просто еще одно яркое пятно на бледном лице прекрасной половины человечества, призванное привлечь к себе внимание в любом случае, даже в том, когда больше привлечь нечем. (Забывшись, он наклоняется к Еве слишком близко, но вовремя одумывается, в сторону). Что-то я опять увлекся. (Еве). Готово.

Ева (пальцем проводит по накрашенным губам и смотрит на свой палец). Красный....

Люцер (берет ее палец и медленно целует его). Как кровь. Чистый оттенок.

Ева заливисто смеется.

Люцер заигрывает с ней и приглашает на танец. Играет медленная музыка. Солнце постепенно гаснет, и зажигаются звезды. Ева с Люцером танцуют. Так же неожиданно, как и началась, музыка стихает. Люцер продолжает удерживать Еву в своих объятиях, наклонившись к ее лицу и почти касаясь ее губ. Минуту они стоят неподвижно, смотря друг на друга в ожидании. В движении их тел чувствуется, тщательно сдерживаемый, порыв страсти.

Неожиданно врывается Адам. Вид у него крайне неряшливый. Все в тех же штанах и повидавшей виды рубаше навыпуск. За ним идет Отец.

Адам (с долей «театральности» в голосе). Что я вижу! Опять этот искушитель вьется около моей жены!

Угрожающе надвигается на Люцера. Но тот уже успел отпустить Еву и принять, подобающий ему гордый вид, скрестив руки на груди. Ева с беспокойством переводит взгляд с Адама на Отца.

Адам (продолжает наступать на Люцера, сжав кулаки). Ну сейчас ты у меня точно получишь по шее! (Ева успевает встать между ними, но Адам ее отталкивает). Уйди, с тобой отдельный разговор будет.

Ева (умоляюще). Адам, ну послушай.....

Адам (делая вид, что не замечает ее, подходит вплотную к Люцеру и демонстративно упирается в него животом). Я предупреждал тебя, чтобы ноги твоей здесь не было? Предупреждал?!

Люцер (доставая из кармашка платок и поигрывая им прямо перед носом разъяренного Адама). Что-то не припоминаю. Память никуда не годится. Знаешь, возраст, и все такое....

Ева (дергает Адама за рукав). Прекрати!

Адам (с презрительным видом оглядывает Люцера). Что ж, сейчас я тебе быстренько вобью в голову отсутствующую часть трепетных воспоминаний! (Замахивается на Люцера).

Отец (поднимает руку). Стоп!

Адам с занесенной рукой застывает на месте, словно загипнотизированный. Ева тоже замирает. Их фигуры погружаются в темноту.

Люцер (щелкает пальцами перед носом Адама). Ох уж мне твои старые фокусы! Не хочешь сменить репертуарчик?

Отец (засовывает руки в карманы холщовых штанов). Адам, по существу дела, прав. Тебе и вправду надо навалить как следует, чтоб не совал свой нос, куда не просят. Скажи, тебе стало нечем заняться?

Люцер. Пока ты есть, подобная проблема мне не грозит. Без работы ты меня еще долго не оставишь. (Достает из кармана трубку и закуривает). Ты же у нас великий придумщик, а я так, жалкий подражатель. Херувим-недоучка. Злой гений мироздания.

Отец (морщится от табачного дыма). Твоего гения хватает лишь на то, чтобы лишний раз напакостить кому-нибудь. Я скорее соглашусь с утверждением, что ты недоучка, чем на последнее, с претензией на гениальность. Хотя.... Если ты все же настаиваешь, то можно остановиться на определении «гениальный недоучка».

Люцер. Вполне подходит. Главное, что присутствует понятие гениальности. Остальную словесную шелуху я как-нибудь переживу. (Подходит к креслу Отца, садится в него и, вальяжно расположившись, с наслаждением выпускает струю табачного дыма).

Отец некоторое время молча наблюдает за тем, как Люцер изображает из себя хозяина положения, затем подходит и, хватая его за ухо, как провинившегося школяра, стаскивает с кресла.

Отец. Ну-ка, брысь отсюда! (Люцер вскрикивает и преувеличенно корчится, изображая сильнейшую боль). Можешь особенно не стараться. Роль мученика – не твоё амплуа. И прекрати портить воздух! Напустил дыма, что дышать нечем. Мне кажется, не будь у твоих изобретений подобных спецэффектов, они бы уже давно вышли из моды.

Люцер. Обозвать естественный процесс тления спецэффектом! (Задумывается). Впрочем, почему бы и нет?

Отец. Не будем о земном. Если уж совсем откровенно, то некоторые представители рода человеческого достойны тлеть постоянно, чтобы запах от их зловония разносился на многие

мили вокруг, сообщая остальным, что в ближайшем от них радиусе находится вор, убийца, насильник и тому подобная гниль.

Люцер. Хочешь, чтоб на Земле началась бактериологическая война?

Отец. Я просто считаю, что совсем неплохо, если бы люди пахли адекватно своим поступкам. Что касается твоего дыма, то он и в самом деле мерзкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.